

«ЗА ДРУГИ СВОЯ...»

Хрестоматия
православного
воина

**«За други своя...». Хрестоматия
православного воина. Книга
о воинской нравственности**

«Алетейя»

2016

УДК 355.233.23
ББК 68.49(2Рос)

«За други своя...». Хрестоматия православного воина. Книга о
воинской нравственности / «Алетейя», 2016

ISBN 978-5-906823-63-2

Нерасторжимая связь боеспособности войска и доброй нравственности воинов является аксиомой военного искусства. Тем более эта связь очевидна для воинства христолюбивого, именем которого издревле гордится российское воинство. Христианская нравственность веками питала жертвенную любовь воина к товарищам, родным и близким, к Отечеству. В издании представлены исторические документы, воспоминания и дневники, отрывки из произведений святоотеческой и художественной литературы, посвященные изображению духовной основы и истинной красоты воинского подвига. Книга адресована широкому кругу читателей – всем, кто интересуется историей религии, военной историей Отечества, военной педагогикой и психологией.

УДК 355.233.23
ББК 68.49(2Рос)

ISBN 978-5-906823-63-2

, 2016

© Алетейя, 2016

Содержание

От составителей	6
Глава 1. Сим победиши	9
Тертуллиан. О венце воина	9
Толкования на избранные места Священного Писания	14
Святые отцы о войне, воинах и военной службе	21
Аврелий Августин	25
Конец ознакомительного фрагмента.	34

сост. С. Э. Зверев, Е. Ю. Голубева
**«За други своя...». Хрестоматия
православного воина. Книга
о воинской нравственности**

© С. Э. Зверев., Е. Ю. Голубева, составление, 2016

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2016

* * *

От составителей

Полагаю, – никогда наш век не будет свободен от них (войн. – *сост.*) и они навсегда останутся в полной силе, пока остается той же человеческая природа, так как с самого начала они, так сказать, присущи жизни, и поэтому вся поэзия, вся история наполнена войнами и сражениями, и не найдешь в них ничего другого, так подробно описанного.

Причиной войн, полагаю, не являются, как говорят многие, движения звезд или судьба и противный разуму рок. Если бы предначертанное судьбой торжествовало во всем, то была бы отнята у людей свободная воля и право выбора, и мы считали бы напрасными и бесполезными всякое наставление, искусства и обучение: оказались бы беспомощными и бесплодными надежды людей, живущих наилучшим образом. И божество, как думаю, нельзя полагать причиной убийств и сражений. Я и сам бы не сказал и не поверил бы никому, утверждающему, что высшее благо, изгоняющее всякое зло, радуется сражениям и войнам. Души людей добровольно впадают в корыстолюбие и несправедливость и наполняют все войнами и смятением, и отсюда происходят многие бедствия и гибель народов и порождаются бесчисленные другие несчастья.

Агафий Миринейский, византийский историк VI в.

Ни одна по-настоящему боеспособная армия не может воевать без нравственной идеи, объединяющей ее ряды, помогающей воину преодолеть угрозу внезапной насильственной смерти и природный страх убийства себе подобного. В основании же любой жизнеспособной, социально значимой нравственной идеи, системы установок и ориентиров, которыми руководствуется общество в процессе своего формирования и развития, неизбежно лежит нравственность религиозная. Последняя черпает силу и авторитетность не из благих намерений, которые, как известно, могут завести далеко, не из суетных человеческих воззрений и стремлений, но из установлений, проистекающих из истинного знания глубин человеческого сердца, доступного только Богу, освященных подвигом героев и мучеников за веру и многовековой практикой созидательной жизни народа.

Именно поэтому очередной том серии «Книга для чтения по истории армии и флота» посвящен воинской нравственности, а поскольку российское воинство от предков приняло почетное именование воинства христолюбивого, – то и нравственности православного воина.

Тема нерасторжимой взаимной связи боеспособности войска и доброй нравственности воина проходит красной нитью через тексты военных трактатов, сочинений выдающихся полководцев, воспоминаний и дневников участников войн, произведений художественной литературы. С некоторыми из них мы предоставим читателю возможность познакомиться на страницах хрестоматии.

Но для нравственности, основанной на заповедях религии Любви, вопрос о пределах необходимого применения насилия, определяющего содержание вооруженной борьбы, требует особо тщательного разрешения личной совестью воина-христианина. Подчеркнем: именно личной совестью, ибо Бог, заповедавший своим последователям любить и прощать врагов, не оставил, что совершенно естественно, никаких указаний на то, в каких случаях необходимо или возможно отнять жизнь у другого творения Божия.

На этот сложный богословский вопрос афористично и исчерпывающе ответил в свое время митрополит Московский святитель Филарет (Дроздов): «Гнушайтесь¹ убо врагами Божиими, поражайте врагов отечества, любите враги ваша²». Но христианство – это религия,

---

¹ Отвращайтесь от общения с врагами Божиими.

² Любите ваших личных врагов.

исполненная личностного начала; чтобы быть христианином, недостаточно выучить Символ веры, затвердить катехизис и уметь к месту ссылаться на творения святых отцов – необходим каждодневный опыт жизни во Христе и со Христом, личного богопознания и самосознания, требующего внимательной и вдумчивой работы мысли и сердца. В этом смысле, каждый человек, берущий в руки оружие и заступающий путь врагу, неизбежно оказывается в ситуации труднейшего нравственного выбора, перед необходимостью принять на свою личную совесть тяжелейший груз решения, за которое ему придется дать личный же ответ в день Суда. На этом суде уже невозможно будет отговориться получением приказа и оправдаться подчиненностью, мол, «если что не так – не наше дело, как говорится: родина велела»³. Поэтому православный воин обязан ответственно, последовательно и сознательно готовить себя к бою, в котором ему придется взвешивать на очень точных весах свою судьбу, судьбы товарищей, мирного населения и неприятелей.

Ошибки на этом пути искупаются долго и дорого – тем дороже, что исправлять их, как правило, бывает слишком поздно.

Поколениям юных ратоборцев полезно иметь возможность проанализировать мысли и чувства людей, до них прошедших тяжелый, славный и зачастую скорбный путь воинского служения, почувствовать, что они не одиноки в своем подвиге и обрести неуываемые примеры мужества, стойкости в вере и исполнении долга.

Наконец, солдатам и особенно офицерам важно обладать цельным мировоззрением, правым христианским взглядом на мировую историю, которая, к великому сожалению, по сей день является историей войн и военных конфликтов. Из лоскутков исторических фактов, их нередко произвольной трактовки различными заинтересованными сторонами, фрагментарных, эмоционально окрашенных впечатлений участников исторических событий современному воину важно уметь соткать ткань личного восприятия истории, с тем чтобы суметь выстроить собственную картину мира, определить в ней свое место, место своего государства и своего народа и руководствоваться этим пониманием при исполнении воинского долга.

В решении этих задач призвана оказать помощь хрестоматия православного воина.

Хрестоматия состоит из пяти глав. В первой главе представлены материалы, относящиеся к первым векам христианства, когда перед воинами вставала проблема соотношения требований государственной и военной власти с велением совести и религиозными догматами. Несмотря на то, что острота этой проблемы была снята Константином Великим выбором государственной религии в Римской империи в пользу христианства, ознакомление с подходами к разрешению ее философами и богословами может оказаться небесполезной, как и мнение учителей Церкви по вопросам, относящимся к войне, обязанностям воина и военной службе.

Во второй главе повествуется об истории постановки военного дела во «втором Риме» – тысячелетней христианской Византийской империи. Вопросы воинской нравственности в этот период находили подробное толкование на страницах военных трактатов, положения которых не потеряли актуальности до наших дней.

Боевая практика походов и битв христолюбивого воинства «третьего Рима» – Московского государства – освещается в третьей главе. В ее названии отражено глубоко религиозное понимание русским средневековым сознанием вопросов, связанных с войной, как величайшим бедствием, бичом и трагедией человечества, и воинским служением.

Российская империя, раскинувшаяся на шестой части суши, была в духовном плане результатом мощного выплеска огромной потенциальной энергии Святой Руси, накопленной в ходе многовековой подспудной работы народной души, высвобожденной великим Петром и его наследниками на российском престоле. Империя прирастала территориями не только

---

³ Строка из песни Б. Ш. Окуджавы «Песенка солдата» (1960-1961 гг.).

благодаря военной мощи, но прежде всего Божиим благословением народу, благодарно и смиренно украшавшему лаврами храмы, воздвигаемые в честь своих подвигов и побед. Территории еще могут быть завоеваны грубой силой, но чтобы удержать их необходимо очевидное всем, даже врагам и покоренным, сознание нравственного превосходства имперского народа. История расцвета, заката и падения Российской империи, изложенная в четвертой главе, есть история по преимуществу духовная, тесно связанная с проявлением или же умалением христианской веры в русском народе – строителе ее колоссальных чертогов.

Двадцатый век показал, насколько темной может быть мгла, объявшая народ, отринувший отечественные святыни. Изображению страшных и трагических событий, в которых постепенно изживался соблазн богоотступничества, происходило перерождение народной души, вырабатывалось новое понимания духовности, посвящена пятая глава.

Тексты произведений, приведенных в хрестоматии, сокращены и адаптированы для облегчения восприятия их современным читателем. Составители надеются, что это побудит заинтересованного читателя обратиться к самостоятельному глубокому изучению источников.

Глава 1. Сим победиши

Тертуллиан. О венце воина

Из труда одного из раннехристианских писателей Квинта Септимия Тертуллиана (ок. 160-ок. 230 гг.) явствует, насколько трудной была жизнь христианского воина в языческом Риме. Мученический венец нередко был для него единственной альтернативой участию в явном или лукаво замаскированном идолослужении. И единственным судьей в выборе между земной и вечной жизнью выступала совесть человека. Пример неизвестного воина, предпочетшего, судя по всему, смерть вероотступничеству, может многому научить нас. Прежде всего тому, что необходимо тщательно взвешивать на весах своей совести даже самые ничтожные и кажущиеся обыденными поступки.

В приведенном отрывке также заслуживает внимания описание некоторых обычаев Церкви первых веков ее существования, в главном сохранившихся до наших дней.

Недавно произошло следующее: явлена была щедрость превосходнейших императоров⁴, и в честь этого солдат в казармах отмечали лавровыми венками. Призван к этому был и некий в большей степени Божий солдат, оказавшийся более стойким, чем его братья. Он предположил, что [если наденет на голову этот венок, то] может стать служителем двух господ, и единственный из всех [остался] с непокрытой головой, держа бесполезный венец в руке. Таким образом через само это деяние публично проявилось то, что он является христианином. Слух дошел до трибуна⁵, и трибун немедленно задал ему вопрос: «Почему у тебя несоответствующий внешний вид?» И поскольку у него настоятельно требовали объяснения, он ответил: «Я – христианин». О славный в Господе воин! Последовавшее голосование [постановило] передать рассмотрение дела и самого обвиняемого префектам⁶. Сам же он, как акт торжественного снятия бремени, отложил свой тяжелейший плащ, снял неудобнейшие военные сапоги, становясь босиком на святую землю, и меч, не нужный для защиты Господнего [наследия], вернул (Мф. 26:52), венок же выпал из его руки. И теперь он, обагренный надеждой [пролить] свою кровь, обутий в готовность нести Евангелие, препоясанный острейшим Словом Божиим, полностью вооруженный по Апостольскому слову (Еф. 6:11) и стремящийся облечься в иной венок – белую одежду мученика, – ожидает в тюрьме щедрый подарок Христа.

С того момента начали распространяться о нем разные слухи как о своенравном, неудержимом, спешащем умереть, потому что, когда его спросили о внешнем виде, он поставил в неприятное положение имя [христиан]: он [повел себя, как будто он] один, надо думать, такой храбрый – единственный христианин среди столь многих братьев, являющихся для него сослуживцами. Ведь более чем ясно, что те, кто с презрением отвергли пророчества Духа Святого, хотят избежать мученичества. Они ворчат, что столь долгий и благоприятный для них мир⁷ подвергся опасности.

И легко сразу же задаться вопросом: где написано, что мы не должны носить венки. Но где написано, что нам следует их носить? Усиленно ища у Писания покровительства и объяс-

---

⁴ Имеется в виду раздача денег римским воинам от имени императоров (в описываемое время правили Септимий Север и Каракалла), укреплявшая связь верховной власти с армией, от которой она в последние века существования Римской империи сильно зависела. На церемонии воины должны были представлять увенчанными лавровыми венками.

⁵ Трибун – командная должность в легионе.

⁶ Скорее всего, имеется в виду префект лагеря – комендант легионного лагеря.

⁷ Отсутствие гонений на христиан.

нения различных проблем, некоторые считают заранее предрешенным, что Писание должно поддержать именно их точку зрения. Ведь если говорится, что позволительно надевать венок по той причине, что Писание этого не воспрещает, точно так же можно использовать это обоснование для доказательства противной точки зрения: непозволительно христианам надевать венки, потому что Писание этого не предписывает. Итак, что же делать с точки зрения строгого и стройного учения? принять обе позиции, словно ни одна из них не воспрещается? или отвергнуть обе позиции, словно ни одна из них не предписывается к исполнению? Но ведь то, что не запрещено, полностью разрешено. Однако вернее сказать: то, что не полностью разрешено, запрещено.

Так до каких пор мы будем взад и вперед ходить по этой извилистой тропе, имея укорененную в древности практику, которая была заранее определена? Если она и не установлена никаким текстом Писания, она точно подкреплена обычаем, который без сомнения проистекает из предания. Поэтому давайте исследуем: [верно ли, что] не следует принимать предания, кроме того, что было записано? Разумеется, мы откажемся принимать его, если не существует прецедентов, когда бы мы без какого-либо свидетельства Писания, а лишь на основании имени «предание», что-либо приняли и впоследствии хранили под предлогом имеющегося обычая. А вообще, [уже] когда мы подходим к крещальной купели, но немногим ранее, в Церкви под руководством предстоятеля⁸ мы публично утверждаем, что отрекаемся дьявола, его блистательных речей и его ангелов. Затем, будучи трижды погружены в воду, еще яснее отвечаем [предстоятелю] словами, которые Господь определил в Евангелии. Когда нас выводят [из купели], как поднимают новорожденных, мы вкушаем немного смеси молока и меда с водой и, начиная с этого дня, на протяжении целой недели воздерживаемся от ежедневного омовения. Таинство Евхаристии, которое Господь повелел всем совершать во время принятия пищи, принимаем исключительно из рук предстоятелей. Ежегодно мы творим добровольные приношения за умерших в день их рождения. В День же Господень [т. е. воскресенье] считаем неприемлемым поститься или молиться на коленях. Этой же свободой мы также наслаждаемся в период с Дня Пасхи до Пятидесятницы. Однако мы переживаем и с трудом переносим, когда капля из нашей чаши или крошка нашего хлеба падает на землю. При всяком успехе и продвижении вперед, при всяком входе и выходе, когда мы одеваемся и обуваясь, перед купаниями и перед приемами пищи, зажигая ли светильники, отходя ли ко сну, садясь ли или принимаясь за какое-либо дело, мы осеяем свое чело крестным знаменем. Если потребуешь обосновать Писанием эти и другие подобные им учения, никакого [такого основания] ты не найдешь: в качестве их основания тебе приведут предание как их создателя, обычай как их поручителя и веру как их хранительницу. Можно обосновать неписанное предание, находящееся в употреблении, которые подтверждается обычаем как достойным свидетелем в пользу приемлемости данного предания, а также длительным его соблюдением. Ведь даже в политических делах обычай заменяет закон, когда не существует закона [в отношении исследуемого случая]: и неважно, взят ли он из Писания или устанавливается разумом, поскольку разум поощряет закон.

Ведь и апостол говорит: «Если же вы чего-то не знаете, то и это Бог вам откроет» (Фил. 3:15). Он и сам имел обыкновение давать свои рекомендации, когда в его распоряжении не было прямого повеления от Господа, и что-то предлагать от себя, поскольку он сам имел Святого Духа как наставника всякой истины. Поэтому его советы и предписания приобрели статус божественных повелений по причине [данного ему] покровительства Божьей мудрости.

Предметы годны для того, чтоб мы, как и наши предшественники, их употребляли для служения Богу или ради самого Христа, когда они служат к обеспечению нужд человека, пред-

---

⁸ Священника.

ставляя для него действительную пользу, несомненную помощь и достойную, благопристойную отраду, поскольку они даны [людям] по вдохновению самого Бога, который является и первейшим Промыслителем, и Устроителем, и, можно даже сказать, Дарителем радости для созданного Им человека. Что же выходит за рамки такого принципа употребления, не подходит для нас – в особенности то, что по этой причине нельзя обнаружить ни в мире, ни в практике служения Богу, ни в образе жизни Христа.

Одним словом, кто из патриархов, кто из пророков или какой левит, священник или правитель, а в более поздние времена какой апостол или благовестник, или епископ носил венок? Я полагаю, что ни сам Божий храм, ни ковчег завета, ни скиния, ни светильник [не были увенчаны венками], хотя и во время первого торжества по случаю их освящения, и в честь второго радостного дня в честь их восстановления их можно было бы украсить венками, если бы это было достойно Бога (Езд. 5:11; 1 Кор. 10). Однако же, если эти предметы были нашими образами, – потому что мы суть и храмы, и алтари, и светильники, и сосуды Божьи, – то они также ярко предвозвестили и это: не должно Божьему народу украшаться венками. Образы должна всегда соответствовать истина. Если же ты, быть может, возразишь, что и сам Христос был увенчан венцом, то на это ты услышишь короткий ответ: «Надеть такой венец тебе позволительно». Однако [Божьему] народу не был знаком тот венец оскорбительного бесчестия. Его придумали римские солдаты, переняв это от мирских практик. В народе же Божьем никогда не было такого, чтобы во время государственных торжеств или празднования изобилия выраженных даров, разрешалось [ношение венков].

Теперь, перед тем, как приступить к [рассмотрению] причин [использования] солдатских венков, я считаю необходимым тщательно изучить вопрос: подобает ли христианину вообще заниматься военным делом? Разве мы верим, что к богоугодному обещанию позволительно добавлять человеческую присягу на верность и тем самым слушаться второго господина кроме Христа?

А также клятвенно отречься от отца и матери, и всех близких⁹, которых даже закон предписывает чтить и любить во вторую очередь после Бога (Исх. 20; Лев. 19), и которых даже Евангелие также уважило (Мф. 26:11), только Христу воздав большие [почести] (1 Кор. 6, 8; Мф. 5)?

Допустимо ли вести жизнь меченосца, в то время как Бог возвещает, что тот, кто воспользуется мечом, от меча и погибнет? И может ли сын мира участвовать в битве, если ему не положено [даже] ссориться? И [как] он будет ввергать в узы и в тюрьму, пытать и приводить в действия наказания, когда он не [должен] сам мстить за нанесенные ему обиды? Может ли он стоять в карауле и охранять других, больше чем Христа, или делать это в День Господень [т. е. воскресенье], когда он даже для Христа этого не делает? И будет ли бодрствовать перед храмами, от которых отсекся? И обедать там, где неуютно апостолу (1 Кор. 8:10)? И будет ли защищать по ночам тех [демонов], кого днем изгонял с помощью молитв, и засыпать, опираясь на копье, которым был пронзен бок Христа (Ин. 19:34)? Понесет ли он также военное знамя, соперничающее с Христовым? И потребует ли приказа от своего командира тот, кто уже получил его от Бога? Когда же он умрет, будет ли потревожен трубой горниста тот, кто ожидает, что будет разбужен трубой ангельской? И будет ли предан огню согласно воинскому обычаю [умерший] христианин, тот, кому [и живому] не разрешалось возжигать [жертвоприношения], и ради кого Христос принял на себя огненное наказание? Сколь же много иных обязанностей, связанных с воинской службой, которые можно счесть за правонарушения, следует признать преступлениями [с точки зрения христианина]? Переносить само почетное имя [христианина] из крепости света в крепость тьмы является преступлением.

---

⁹ Тертуллиан, судя по всему, стесняет краски. Римская военная присяга не требовала отречения от близких, представляя собой клятву взаимной верности римскому государству, командованию легиона и товарищам.

Безусловно, те, кого вера нашла после их вступления в воинское звание, находятся в ином положении, похожем на то, в каком были те [воины], которых Иоанн допускал к крещению (Лк. 3:3), и один из наиболее верных сотников, о котором одобрительно отзывается Христос (Мф. 8), и которого наставляет в вере Петр (Деян. 10). Но в тоже время после принятия веры и ее запечатления [божественной крещальной] печатью следует либо немедленно оставить [военное дело], как многие и сделали, либо [продолжая им дальше заниматься] всеми возможными способами изворачиваться, чтобы не совершить что-либо противное Богу, – то, что не разрешается и за пределами воинской службы, – либо, наконец, стоит ради Бога твердо сносить то, что беспристрастно назначила ему языческая вера [в качестве наказания]. Потому что нахождение на военной службе не гарантирует ни ненаказуемости за преступления, ни освобождения от мученичества.

Никоим образом христианин не меняет своей сущности. Одно Евангелие и один и тот же Иисус, Который отречется от всякого, кто отречется [от Него], и Который исповедает всякого, кто исповедует Бога, и Который спасет душу, отданную за Его имя; и напротив, Он погубит ту [душу], которая была сохранена ради выгоды, но [выступала] против Его имени (Мф. 10:39). Для Него воин настолько является верным мирным жителем, насколько мирный житель является верным воином¹⁰. Не существует необходимости или принуждения к совершению проступка – существует одна необходимость: не совершать проступков. [Возможно] кто-либо принуждаем под давлением, с помощью пыток или [иных] мучений, к совершению жертвоприношения и непосредственному отречению. Однако [наше] учение не проявляет снисхождения к такого рода принуждению, потому что существует необходимость еще более могущественная, чем [кажущееся неизбежным] намерение избежать страданий и исполнить долг, – необходимость страшиться отречения и пройти [путь] мученичества. Как бы то ни было, такого рода отговорка уничтожает саму суть [нашего] таинства тем, что ослабляет узду, сдерживающую от совершения грехов по своей собственной воле. Ведь тогда можно будет поставить в один ряд желание и необходимость, когда, надо полагать, имеется какое-либо принуждение.

В лучшем случае считай, что заниматься военным делом позволительно, но только пока не дойдет до необходимости ношения венка¹¹.

Но прежде всего скажем кое-что о самом венце. Лавровый венок посвящен Аполлону и Вакху – первому как богу оружия, а второму – как богу триумфальных шествий. Когда же войска увенчивают себя масличными ветвями, это – идолопоклонство в честь Минервы, также богини оружия, которая, однако, была увенчана [ветвями] этого дерева по случаю заключения мира с Нептуном. В таком [ракурсе] суеверное почитание солдатского плетеного венка – [это практика] полностью порочная и все порочащая, так как все [, что соприкасается с этой практикой] уже по этой причине бесчестится.

Тот же лавровый венок предписано надевать во время раздачи денежных подарков [, которые иногда даются воинам от имени цезаря, откуда] становится очевидным, что идолопоклонничество не бескорыстно – оно предлагает продать Христа за несколько золотых монет, как Иуда – за несколько серебряных (Мф. 26). И тогда получится, что [поскольку написано:] «Не можете служить Богу и маммоне» (Мф. 6:24), маммоне протягивают руку, а от Бога отступают? И не получится ли, [поскольку написано:] «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф. 22:21), что и человека Богу не посвящают, и у цезаря динарий отбирают? Разве тот, кто надел на свою голову этот предмет, не обвиняет сам себя? [Христианину] настолько чуждо взгромождать на свою голову – даже, можно сказать, на самого Христа, так как «всякому мужу глава Христос» (1 Кор. 11:3) – предмет, служащий делу идолопоклонничества!

---

¹⁰ Тертуллиан имеет в виду, что для Бога воин и мирный житель равны в соблюдении заповедей.

¹¹ Отрицанием венка обязанности воина-христианина, конечно, не ограничивались. Речь идет об отказе от исполнения любых языческих обрядов.

Так что, если это возможно, отплати Ему соответствующим образом, поскольку Он отдал Свою голову за твою, или не украшай свою голову венком из цветов, если не можешь [принять венок] из шипов¹². Служи Богу [так, чтобы] то, что принадлежит Ему осталось незапятнанным. Он Сам, если пожелает, наградит его венцом. Более того, этого Он и желает, и к этому призывает, говоря: «Побеждающему дам венец жизни», так что ты «будь верен до смерти» (Откр. 2:7, 10). Ты же хорошо сражайся в бою, наградой в котором будет тот венец, который по заслугам твердо надеялся получить апостол [Павел] (2 Тим. 4:7-8).

На Него смотри, Его чти. Ведь Христос Иисус сделал нас царями для Бога и Отца Своего. Что общего у тебя с цветком, которому надлежит умереть? У тебя же есть Цветок из корня Иессеева¹³, на Котором покоится вся полнота благодати Божьего Духа, цветок безупречный, неувядающий, вечный. Выбирая Его, хороший воин [, о котором мы говорили в самом начале,] успешно продвигается по небесной [военной] иерархии. Поэтому да уразумеем же мы выдумки дьявола, которые принимают вид некоторых Божьих [творений] для того, чтобы привести нас в замешательство, сбив [с пути] нашей веры, и осудить.

(Богомыслие. № 15. 2014. С. 189–209)

---

¹² Имеется в виду терновый венец, который был возложен на главу Христа римскими воинами.

¹³ Иессей – отец царя Давида, от которого произошел по плоти Иисус Христос.

Толкования на избранные места Священного Писания

«Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч» (Мф. 10:34).

Толкование святителя Иоанна Златоуста

Тогда особенно и водворяется мир, когда зараженное болезнью отсекается, когда враждебное отделяется. Только таким образом возможно небу соединиться с землею. Ведь и врач тогда спасает прочие части тела, когда отсекает от них неизлечимый член; равно и военачальник восстанавливает спокойствие, когда разрушает согласие между заговорщиками.

Единомыслие не всегда бывает хорошо: и разбойники бывают согласны [между собой]. Итак, брань была следствием не Христова определения, а делом воли самих людей. Сам Христос хотел, чтобы все были единомысленны в деле благочестия; но как люди разделились между собою, то и произошла брань. Впрочем, Он не так сказал. А что же говорит? *«Не мир пришел Я принести»*, – чем самым утешает их. Не думайте, говорит, что вы виноваты в этом: Я это делаю, потому что люди имеют такие расположения. Итак, не смущайтесь, как будто эта брань возникла сверх чаяния. Для того Я и пришел, чтобы произвести брань; такова именно Моя воля.

Итак, не смущайтесь тем, что на земле будут брани и злоумышления. Когда худшее будет отсечено, тогда с лучшим соединится небо. Так Христос говорит для того, чтобы укрепить учеников против худого мнения о них в народе. Притом, не сказал: войну, но, что гораздо ужаснее – меч. Если сказанное слишком тяжело и грозно, то не дивитесь. Он хотел приучить слух их к жестоким словам, чтобы они в трудных обстоятельствах не колебались. Поэтому и употребил такой образ речи, чтобы кто не сказал, что Он убеждал их лестью, скрывая от них трудности. По этой причине даже и то, что можно было бы выразить мягче, Христос представлял более страшным и грозным.

«Также услышите о войнах и о военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть, но это еще не конец: ибо восстанет народ на народ, и царство на царство; и будут голоды, моры и землетрясения по местам; все же это – начало болезней. Тогда будут предавать вас на мучения и убивать вас; и вы будете ненавидимы всеми народами за имя Мое; и тогда соблазняются многие, и друг друга будут предавать, и возненавидят друг друга; и многие лжепророки восстанут, и прельстят многих; и, по причине умножения беззакония, во многих охладет любовь; претерпевший же до конца спасется» (Мф. 24:6-13).

Толкование святителя Иоанна Златоуста

Так как ученики слышали о наказании, посылаемом на Иерусалим, как о чуждом для них, и, думая, что сами они будут спокойны, мечтали об одних только благах и надеялись получить их очень скоро, то Спаситель опять предвозвещает им несчастья, побуждая тем к заботливости и сугубой бдительности, – чтобы они не увлеклись обманом обольстителей, и не были побеждены силою бедствий, имеющих постигнуть их.

Война, говорит Он, будет двоякого рода: со стороны обольстителей и со стороны врагов; но первая будет гораздо более жестока, потому что откроется при обстоятельствах смутных и ужасных, когда люди будут находиться в страхе и смущении. О войнах же говорит Он тех, которые имели быть в Иерусалиме, а не вне его, во всех местах вселенной. Какая нужда была ученикам до этих последних? Притом, Он ничего бы не сказал нового, если бы говорил о бедствиях всей вселенной, которые всегда случаются, потому что и прежде того бывали войны, возмущения и сражения. Но Он говорит здесь о войнах иудейских, которые вскоре имели последовать...

Потом, для того, чтобы они, слыша о таком множестве бедствий, не подумали, что предсказание не совсем исполнится, присовокупил: *«зрите, не ужасайтесь, подобает бо всем сим быти»*, то есть, всему, что я предсказал, и наступление искушений нимало не воспрепятствует исполнению слов Моих.

Войнами и слухами о войнах Он называет смятения, имеющие быть у них. Далее... – ученики думали, что за этою войною последует конец, то смотри, как Спаситель успокаивает их, говоря: *«но не тогда есть кончина. Возстанет бо, – говорит, – язык на язык и царство на царство»*. Он понимает начало бедствий иудеев. *«Вся же сия начало болезнем»*, – то есть, тем, которые с ними случатся. *«Тогда предадут вы скорби и убьют вы»*.

Благовременно упомянул Христос ученикам об их собственных бедствиях, которые облегчаются общими несчастьями, и не этим только, но и тем, что присовокупил: *«имене Моего ради»*. Бедствие это становится тем больше, когда присоединяется к нему и междоусобная война: а тогда много было лжебратий. Видишь ли троякую войну, – именно с обольстителями, врагами и лжебратьями?.. Потом, что всего хуже, ученики и от любви не будут получать утешения. Далее, показывая, что это нисколько не повредит мужественному и терпеливому, Христос говорит: *«не бойтесь и не смущайтесь»*. Если вы покажете надлежащее терпение, то несчастья не победят вас...

Здесь каждый особенно должен подивиться силе Христовой и мужеству апостолов... Видишь ли, в каком состоянии находились тогда дела, и как многообразна была война? И это вначале, когда во всяком деле особенно требуется великое спокойствие. Но даже и при этих и других гораздо больших бранях (к междоусобной брани присоединялась еще брань между родными) проповедь евангельская возобладала над всею вселенною...

«Тогда говорит ему Иисус: возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут» (Мф. 26: 52).

Толкование святителя Иоанна Златоуста

Для чего же позволил им (апостолам. – *сост.*) Христос иметь мечи? Чтобы уверить их, что он будет предан. Поэтому и говорит им: *«купи нож»*, не для того, чтобы вооружились; нет, но чтобы этим указать на предательство. Для чего, опять ты спросишь, Он повелел иметь меч? Он учил их тем трезвиться, бодрствовать и иметь самим о себе великую заботу. Вначале Он держал их, как неопытных, под охранением Своего могущества, а теперь, выпустив их как птенцов из гнезда, велит им самим летать. Далее, для того, чтобы они не подумали, будто Он оставляет их по слабости Своей, повелевая и им действовать самостоятельно... Он хочет уверить их в Своей силе и тем, что Он прежде поддерживал их, и тем, что ныне не вдруг оставляет. Поэтому-то Христос и упрекает Петра, и притом со страшной угрозой, за то, что он употребил меч в отмщение пришедшему рабу, хотя он поступил так горячо в защиту не самого себя, а своего Учителя. Но Христос не допустил, чтобы от этого произошел какой-либо вред [людям]. Он исцелил раба, и сделал великое чудо, которое могло открыть и Его кротость, и могущество, а равно и нежность любви, и покорность ученика, потому что тот поступок был свидетельством его любви, а этот послушания. Когда он услышал: *«вложи меч в ножны»* (Иоан. 18:11), то тотчас повиновался и впоследствии никогда не делал этого. Другой же евангелист повествует, что ученики спрашивали Его: *«не ударить ли нам мечом»* (Лук. 22:49)? Но Христос воспретил это, и исцелил раба, а ученику возбранил еще с угрозой, для того, чтобы более вразумить его: *«ибо все»*, говорит Он, *«взявшие меч, мечом погибнут»*. И приводит основание, говоря: *«или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов»*? Но *«как же сбудутся писания»*? Этими словами Он остановил их горячность, показывая, что случившееся с ним соответствует и Писанию. Поэтому Он и там молился, чтобы они с покорностью перенесли случившееся с Ним, зная, что это совершается по воле Божьей.

«Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих»
(Ин. 15:12-13).

Толкование святителя Григория Двоеслова

Если все священные изречения полны заповедей Господних, то что значит, что о любви, как особенной заповеди, Господь говорит: *«сия есть заповедь Моя, да любите друг друга»*, если не то, что всякая заповедь зависит от одной только любви и все заповеди составляют одну, потому что все заповедываемое основывается на одной только любви? – Ибо, как многие древесные ветви происходят от одного корня, так многие добродетели рождаются от одной любви. И ветвь доброго дела не имеет никакой зелени, если не пребывает на корне любви. Поэтому и много заповедей Господних, и одна; много – по разнообразию дел, одна – по корню любви.

В этом деле тщательно надобно всматриваться, что древний враг, располагая душу нашу к любви вещей временных, с противоположной стороны возбуждает против нас слабейшего ближнего, который замышляет унести то самое, что мы любим. Не о том старается древний враг, это устрояющий, чтобы уничтожить земное, но о том, чтобы убить любовь в нас. Ибо вдруг мы воспламеняемся ненавистью; и желая быть непобедимыми отвне, внутри страшно мучимся; а защищая малое отвне, мы весьма многое теряем внутри, потому что, любя вещь временную, мы лишаемся истинной любви. Потому что всякий, уничтожающий нашу собственность, есть враг. Но если мы начинаем питать ненависть к врагу, то теряем внутреннее. Итак, когда мы совне терпим что-либо от ближнего, тогда должны бодрствовать против сокровенного хищника внутреннего, который никогда удобнее не побеждается, как тогда, когда мы любим внешнего похитителя. Потому что одно и главное испытание любви, если мы любим даже того, кто делает противное нам.

Господь пришел умереть даже за врагов и, несмотря на то, Он говорил, что положит душу Свою за друзей, чтобы явно показать нам, что когда мы можем по любви сделать пользу врагам, тогда други наши даже те самые, которые преследуют нас.

Иной просит смерти врагу, и кого не может преследовать мечом, того преследует молитвой. И хотя тот, кому зложелательствуют, еще жив, однако же тот, кто зложелательствует, становится уже виновным в смерти его. Бог повелевает, чтобы любили врага (Мф. 5:44), и, несмотря на то, просят Бога, чтобы Он убил врага. Итак, кто молится таким образом, тот самими своими молитвами сражается против Создателя.

Сила истинной молитвы состоит в высоте любви. И каждый получает правильно просимое тогда, когда на молитве дух его не омрачается ненавистью к врагу. Но большей частью мы препобеждаем борющийся дух, если еще молимся за врагов. Уста изливают молитву за врага, но, о если бы и сердце вмещало любовь! Ибо часто мы и молитву воссылаем за врагов своих, но изливаем ее более по заповеди, нежели по любви.

Ибо и о жизни врагов мы молимся, и однако же боимся, как бы нас не услышал [Бог].

Итак, братие, что нам должно делать, если не то, чтобы иметь свойство истинной любви к братьям? Никакой злобы не должно быть в сердце. Да обсуждает Всемогущий Бог любовь нашу к ближнему, чтобы явить к нашим беззакониям Свое милосердие. Но этому противится разум: он и хочет исполнять слышимое, и однако же препирается. Если мы не полагаем за Христа тела, то, по крайней мере, препобедим душу. Этим жертвоприношением Бог умиливается, одобряет на суде любви Своей победу нашего мира.

«Итак переноси страдания, как добрый воин Иисуса Христа» (2 Тим. 2:3).

Толкование блаженного Феофилакта, архиепископа Болгарского

Видишь ли, что терпеть страдания свойственно воину? Поэтому не терпеть страданий недостойно воина. Следовательно, не должно скорбеть, если кто страдает, будучи поставлен в ряды воинов. Какая честь быть воином Христовым, когда некоторые считают важным быть воинами земного царя!

«Никакой воин не связывает себя делами житейскими, чтобы угодить военачальнику» (2 Тим. 2:4).

Толкование блаженного Феофилакта, архиепископа Болгарского

Это сказано всем епископам и учителям. Сильное выражение: *связывает себя*. Ибо житейские дела точно суть узы и змеи. Под *делами* же дает видеть все хлопоты, сделки, суеты и тяготы житейские. Слова эти внушают: что вяжешь себя? Что вплетаешься в эти обременения и дела хлопотливые? Об одном воинствовании заботься, и таким образом угодишь Христу, избравшему тебя в Свое воинство.

Толкование преподобного Ефрема Сирина

Ведь *никто, воюя, не привязывает себя* к жизни сего века, то есть не печется о том, чтобы видеть свои имения и владения, но пребывает в подчинении у того, *кто избрал его, чтобы ему угождать*. Подобным же образом и человек должен отрешиться от всего и не быть привязанным ни к чему, кроме проповеди [Евангелия] и перенесения преследований, чтобы угождать одному только Небесному Владыке своему.

«Если же кто и подвизается, не увенчивается, если незаконно будет подвизаться» (2 Тим. 2:5).

Толкование блаженного Феофилакта, архиепископа Болгарского

То есть недостаточно выйти на подвиг или сойтись с противником, если человек не соблюдает законов борьбы касательно пищи, питья, воздержания и самого образа борьбы. Ибо не оставляется на произвол состязаться, как кто хочет, но есть и относительно этого законы, – состязательные. Посмотри на мудрость Павла. Он напоминает Тимофею о войне, чтобы показать, что тот должен быть готов на поражение и смерть, – и о борце, чтобы укрепить его на все и чтобы он постоянно был в подвиге.

Толкование преподобного Ефрема Сирина

И борец (атлет), выступающий на состязание, не может получить венка, если будет бороться не по закону состязания, то есть если он в борьбе одержит победу не по правилам игры и не так, как установлено. Подобно и те, кои исповедуют евангельское учение, не могут получить венец победы, если, вступив в борьбу с сокровенными скорбями, не одержать победы и не окажутся достойными посредством открытых гонений, на них поднимающихся.

«Начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое» (Рим. 13: 4).

Толкование блаженного Феофилакта, архиепископа Болгарского

Значит, не начальник производит в нас страх, но пороки наши, по причине которых и меч начальника, то есть власть наказывать. Начальник, говорит, не напрасно опоясывается мечом, но для того, чтобы наказывать порочных.

Толкование преподобного Ефрема Сирина

Ибо Божий слуга есть он, так как чрез него совершается воля Божия над праведными и незаконными. *Если же зло сделаешь, бойся и не делай, ибо не без цели (напрасно) опоясан мечом.*

Толкование святителя Иоанна Златоуста

Многие сначала навывали добродетели ради начальников, а впоследствии прилепились к ней из-за страха Божия. На людей более грубых не столько действует будущее, сколько настоящее. Потому тот, кто и страхом, и почестями предрасполагает души людей, чтобы они были способны воспринять слово учения, по справедливости назван Божиим слугой... Ты должен повиноваться, говорит (апостол), не потому только, что, не подчиняясь, противишься Богу и от Бога и людей навлекаешь на себя великие бедствия, но и потому, что начальник как охранитель мира и гражданского благоустройства есть величайший твой благодетель.

«Облекитесь во всеоружие Божье, чтобы вам можно было стать против козней дьявольских» (Еф. 6:11).

Толкование святителя Иоанна Златоуста

Не сказал: против сражений, против войн, но *«против козней»*. Враг наш не прост и не открыто воюет с нами, но с коварством. Строить козни – значит обольстить и одолеть хитростью: это бывает и в искусствах, и в словах, и в делах, и в борьбе, когда нам случается иметь дела с обманщиками. Скажу для примера: [враг] никогда не предлагает явных грехов, не называет идолослужения, но, по своему коварству, устраивает это иначе, именно: пользуется предлогами, выставляет уважительную причину. Итак, [апостол] уже и этим ободрил воинов и заставил их трезвиться, когда научил и убедил, что у нас борьба с врагом опытным в воинских делах, что эта война против нас производится не просто и не открыто, но с великой хитростью. Сначала указанием на свойства и многочисленность врага он побуждает учеников своих к осторожности. Он хочет не ослабить воинов, которые противостоят врагу [дьяволу], но ободрить их и подвинуть их против него. Сказав об ухищрениях врага, этим он научает трезвенности. Если бы он указал им только на силу врагов и на этом и остановился, то привел бы их в уныние. Напротив, он и прежде и после этого показывает, что возможно одолеть врага, и тем самым особенно ободряет их. Чем более мы разъясняем своим сообщникам силу наших неприятелей, тем более побуждаем их к осторожности.

«потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной» (Еф. 6:12).

Толкование святителя Иоанна Златоуста

Представив им побуждение к особенной бдительности от свойства брани, потом внушает им бодрость указанием предстоящих подвигов. Каким образом? Сказав, что враги сильны, он навел на мысль, что и многого мы от них лишаемся. Борьба происходит в поднебесной, и не из-за денег, не из-за славы, но из-за пленения в рабство. Стало быть, вражда становится непримиримой. Соперничество и борьба бывают сильнее, когда они происходят из-за предметов важных. [Враги наши воюют с нами] не для того, чтобы после победы чем-нибудь воспользоваться, но для того, чтобы нас лишить [неба]. Заметь, какую бдительность возбуждает в нас сила врага, и какая трезвенность происходит оттого, что мы узнаем, что действительная опасность предстает нашему великому благу, и что также мы должны заботиться о победе из-за великого блага, потому что враг наш старается свергнуть нас с неба. Кого это называет [Павел] *«Против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего»*? И какой тьмы? Не ночной ли? Нет, – греховой. Мы были, говорит он, некогда тьмой, называя так грех в настоящей жизни, потому что он уже больше не будет иметь места ни на небе, ни в грядущем веке.

Миродержителями же называет [дьяволов] не потому, чтобы они держали мир, но потому, что они настоящие виновники злых дел. Греховные дела Писание обыкновенно называет миром, например, в изречении Христа: *«Потому что вы не от мира, как и Я не от мира»* (Иоан. 17:14). Разве, в самом деле, [апостолы] были не от мира? Не были ли они облечены

плотью? Но принадлежали ли к находящимся в мире? И в другом месте: *«Мир Меня ненавидит, а вас не может ненавидеть»*: и здесь также миром называет злые действия. Или, быть может, здесь под миром он понимает самих злых людей, потому что демоны на них преимущественно простирают власть свою.

«Для сего примите всеоружие Божье, дабы вы могли противостать в день злой и, все преодолев, устоять» (Еф. 6:13).

Толкование святителя Иоанна Златоуста

Днем лютым и этим лукавым веком называет настоящую жизнь, по причине зол, в ней бывающих, и требующих, чтобы мы постоянно были вооружены. *«И все, – говорит, – преодоле»*, – то есть, победив и страсти, и непристойные пожелания, и все, что причиняет нам зло. Так, чтобы не только одолеть, но и одолев стоять; а то случалось, что многие, одержавши победу, тотчас падали; не так, чтобы одно что-нибудь исполнить, а другого нет. При том после победы потребна бодрость; иначе то, что тебе удалось низложить, снова может подняться. Если мы не стоим, восстает то, что нами низложено. Пока мы бодрствуем, побежденный нами враг не воскресает.

Видишь ли, как [апостол] отогнал страх? Если есть возможность одержать победу и стать, то зачем избегаешь борьбы? Стой бодро по окончании борьбы и ты – победитель. Не удивляйся и тому, что так много сказано о силе врагов. Знание об этом должно производить не страх и робость, но может предохранять от беспечности. *«Дабы вы могли, – говорит, – противостать в день злой»*, – напоминанием о времени побуждает [к бодрствованию]. Непродолжительно время, как бы так говорит, а потому надобно стоять бодро во время брани; не должно ослабевать и после победы.

«Итак, станьте, препоясав чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности, и обув ноги в готовность благовествовать мир» (Еф. 6:14-15)

Толкование святителя Иоанна Златоуста

Устроив такое войско, пробудив в нем воинственный дух и ободрив его, наконец, [Павел] и вооружает это войско. Ведь никакой пользы не будет от оружия, если прежде не будут собраны воины и в душах их не будет возбуждено мужество. Сначала надлежит вооружить их изнутри, а потом уже извне. Если так бывает в отношении к воинам, сражающимся против внешних врагов, то тем более так должно быть в отношении к воинам духовным, которым свойственно вооружаться не с внешней стороны, но всецело с внутренней. И [апостол] пробудил и воспламенил храбрость, придал смелости, поставил их в добром порядке и затем вооружает их. Но смотри, как облакает их в самое оружие. *«Итак, станьте»*, – говорит он. Первое дело строевых – уметь хорошо стоять: от этого зависит многое. Потому [и апостол] нередко беседует о том, что должно стоять. Так, и в другом месте он говорит: *«Бодрствуйте, стойте»* (1 Кор. 16:13); и опять: *«Стойте так в Господе»* (Фил. 4:1); или еще: *«кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть»* (1 Кор. 10:12); а также: *«чтобы вы могли перенести все»*. И заметь: не о простом каком-нибудь стоянии он говорит, но о стоянии стройном. Опытные в воинских делах понимают, что значит умение стоять. Если кулачникам и борцам учитель прежде всего другого преподает искусство стоять, то гораздо более нужно это в сражениях, вообще в воинских делах. Кто прямо стоит, тот стоит, не развлекаясь и ни к чему не наклоняясь. В стоянии видна строгая прямота. Тот, кто ищет удовольствий, находится не в прямом, а в наклонном положении, равным образом и человек сладострастный, и сребролюбец. Умеющему стоять самое стояние может служить как бы некоторой опорой, и все, касающееся борьбы, ему представится легким. *«Препоясав, – говорит [Павел], – чресла ваши истиной»*. Именно: мы должны сделаться столь легкими, чтобы ничто не мешало нашему странствованию. *«Облекшись в броню праведности»*. Как броня хранит от поражений, так и правда [спасает нас]. Правдой

же называет здесь всю вообще добродетельную жизнь. Конечно, многие наносят ей раны; но поразить и низвергнуть ее никто и никогда не может, даже сам дьявол. Как бы так было сказано: внедривши в свою грудь праведные дела. О таких людях и Христос говорит: *«Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся»* (Мф. 5:6). Кто оградил свое сердце правдой, тот так же крепок, как и броня; такой человек никогда не увлечется гневом. *«И обув ноги в готовность благовествовать мир»*. Разумеется не что иное как самый лучший образ жизни. И правильно. Выше он упомянул о войне и сражениях, а теперь указывает на то, с кем должно вести сражения, именно – с демонами. Поэтому-то благовествование и делается благовествованием мира. Война с дьяволом прекращает другую войну – против Бога. Враждуем с дьяволом: это значит находимся в мире с Богом. Потому, возлюбленный, не опасайся [этой войны]: благовествование мира уже показывает победу.

«а паче всего возьмите щит веры, которым сможете угасить все раскаленные стрелы лукавого» (Еф. 6:16)

Толкование блаженного Феофилакта, архиепископа Болгарского

Словами же *«паче всего»* указывает на упомянутую выше истину и правду, и упование Евангелия. Ибо все это нуждается в вере. Но верой называет здесь не познание истинного богочтения, а веру чуждую сомнения, которая заставляет верить в будущее, как настоящее, которая совершает знамения и настолько пламенна и горяча, что и горы переставляет. Итак, как щит прикрывает все тело, ограждая и защищая его подобно стене, так и вера без сомнений – ограда всей души. Такая вера, а не мудрование, есть щит. Щит прикрывает, а те только мешают.

«Которым сможете угасить все раскаленные стрелы лукавого». То есть постыдные пожелания, помыслы неверия, (как например: будет ли воскресение? будет ли суд?) и искушения. Раскаленные же не только потому, что похоти разжигают и воспаляют к постыдным делам, но и потому, что здесь мы и совестью как бы сжигаемся. К тому же и диавол поджигает нас и чрез помыслы неверия и чрез искушения. Вера же угашает это; потому что если демонов она покоряет, то тем более страсти. Ибо разжигает ли тебя похоть, ты, веруя в будущие блага и радость, погасишь ее; палит ли тебя искушение, веруя в будущее, ты найдешь утешение.

(Православная энциклопедия «Азбука веры» <http://www.azbyka.ru>)

Святые отцы о войне, воинах и военной службе

Афанасий Великий

Послание монаху Аммуну

...и в других случаях жизни обретаем различие, бывающее по некоторым обстоятельствам, например: не позволительно убивать; но убивать врагов на войне – и законно, и похвалы достойно.

Так великих почестей сподобляются доблестные в брани, и воздвигаются им столпы, возвещающие превосходные их деяния...

(Книга Правил святых Апостолов, Святых Соборов, Вселенских и Поместных, и Святых Отцов, 1893)

Амвросий Медиоланский

Слово на погребения Феодосия Великого

Когда пророк Елисей в Самарии неожиданно окружен был сирийскими войсками, тогда, видя это, слуга его Гиезий, сказал ему: увь! Господин мой, что нам делать? И сказал он: «не бойся, потому что тех, которые с нами, больше нежели тех, которые с ними. И молился Елисей, и говорил: Господи! открой ему глаза, чтоб он увидел. И открыл Господь глаза слуге, и он увидел, и вот, вся гора наполнена конями и колесницами огненными кругом Елисея. Когда пошли к нему Сирияне, Елисей помолился Господу и сказал: «порази их слепотою». И Он порази их слепотою, по слову Елисея» (4 Цар. 6:15) Слышали вы, воины, что где неверность, там и слепота. Ибо справедливо слепы были войска неверных. Напротив, где присутствует вера, там ополчаются ангелы. Благая вера часто действует и в самых мертвых: враг же с воинством своим мучим силой мучеников.

(Две книги о покаянии. Кн.2, с. 198–199)

Василий Великий

Правила

Правило 78: О воинах

Глава. Воинам не позволяется обижать и клеветать.

(Лк. 3:14): «Спрашивали его также и воины: а нам что делать? И сказал им: никого не обижайте, не клеветайте, и довольствуйтесь своим жалованьем».

Правило 79: О государях и подданных

Глава 1. Государям должно защищать постановления Божии.

(Рим. 13:3-4): «Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от нее, ибо (начальник) есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое».

Глава 2. Высшим властям должно повиноваться во всем, что не препятствует исполнению Божиим заповедей.

(Рим. 13:1-3): «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение. Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых» и проч. (Деян. 5:29): «должно повиноваться больше Богу, нежели человекам». (Тит. 3:1): «Напоминай им повиноваться и покоряться начальству и властям, быть готовыми на всякое доброе дело»

*(Творения иже во святых отца нашего Василия Великого.
Ч. 3. М., 1846)*

Правило 13.

Убиение на брани отцы наши не вменяли за убийство, извиняя, как мнится мне, поборников целомудрия и благочестия. Но может быть добро было бы советовать, чтобы они, как имеющие нечистые руки, три года удержались от приобщения токмо святых таин.

*(Святитель Василий Великий. Примите слово мое:
Сб. писем, с. 204)*

Исидор Пелусиот

Об очищении воинов

...хотя умерщвление неприятелей на войнах кажется делом законным и победителям воздвигаются памятники, возвещающие их заслуги, однако же, если рассмотреть тесное сродство между всеми людьми, то и оно не невинно. Потому Моисей предписал и тому, кто убил человека на войне, очищения и кропления¹⁴.

(Православная энциклопедия «Азбука веры» <http://www.azbyka.ru>)

Иоанн Златоуст

Увещание

Но, прошу, соберитесь с мыслями, обращайтесь внимание на то, что говорится. Так как некоторые приводят в извинение брак, иные ссылаются на детей, иные на военную службу, иные на торговлю, иные на искусство, иные на рабство, иные на богатство, иные на бедность и на нечто другое подобное, то, поэтому, я хочу показать вам, что ни богатство не служит препятствием, ни бедность, ни военная служба, ни торговля, ни брак, ни дети, ни рабство, ни искусство, ни что-либо иное из такового...

---

¹⁴ Числ. 31:19

Это – отговорки, это – предлоги, это – злоумышления диавола. Ты выставляешь предлогом военную службу и говоришь, что я – воин и не могу быть набожным. Сотник не был воином? А он говорит Иисусу, что «я недостойн, чтобы Ты вошел под кров мой, но скажи только слово, и выздоровеет слуга мой» (Мф. 8:8). И, удивившись, Иисус говорит: «истинно говорю вам, и в Израиле не нашел Я такой веры» (Мф. 8:10). Военная служба нисколько не послужила для него препятствием?.. Тоже и Павел, который был и гонителем церквей, а после того сделался проповедником и апостолом.

*(Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста,
т. 2, кн. 2, с. 931–932)*

Исидор Пелусиот

Письма воинам

Воину Туве

Не во время мира должно быть в полном вооружении, не среди торжища являться в воинственном виде и не по городу ходить с мечом в руках, но на войне, над сопротивниками надлежит делать такие опыты и на них наводить страх. Посему, если нравится тебе воинственный вид и желаешь себе победных провозглашений и памятников, то иди в стан сражающихся с варварами, а не здесь, за деньги купив себе право бежать оттуда и жить дома, представляя то, что должно делать там.

Воину Исаии

К воину, ведущему себя бесчинно. Если, по твоему мнению, острота оружий, шлем и панцирь – надежное средство жить безбедно, предаваясь грабежу и опустошая большие дороги, то знай, что многие, оградив себя еще надежнее, подверглись бедственной смерти, так как силе их не сопутствовала справедливость. Таковы у нас, по Писанию, Олив, Зевей, Салман, Авимелех, Голиаф, Авессалом и подобные им, а у внешних – Гекторы, Аяксы и выше всех думавшие о своей силе лакедемоняне. Поэтому, если хочешь быть не бесполезным воином, то как можно скорее обратись к духовной брани и ратуй более против своего бесчиния.

Тебя, который рад видеть драки, утешается мятежами и более всего заботится о том, чтобы все тебя ненавидели, как приличнее назвать? Не демоном ли негодным, намеренно изменившим свое естество? Итак, поскольку Христос и здесь прежде времени мучит демонов (Мф. 8:29), и там вместе с отцом их обещал им вечный огонь (Мф. 25:41), то или перестань вести жизнь любомятежную, или знай, что и здесь подлежишь Божиим казням, и там не избавишься от наказания.

Говорю, что не только рожденным, подобно тебе, от родителей темных и неизвестных, но и происшедшим от знаменитых и славных отцов не надлежит доходить до такого высокомерия и преступать пределы естества. Посему, чтобы, впад в чрезмерность, не понести и чрезмерных наказаний, старайся безумие высокомерия сдерживать браздами скромности; приобрети себе наружность, приличную человеку благонравному, и ни глазами, ни бровями, ни языком, ни походкою, не показывай в себе следа такой болезни.

Не вдавайся в гордыню по причине того, что дела идут у тебя успешно, как будто не можешь потерпеть чего-либо худого. Напротив того, содержи в мысли то, что обстоятельства часто принимают противоположный оборот, держись скромного образа мыслей и не выходи из пределов человеческого естества. Правосудие надзирает за нашими делами. Возмечтавших

о себе, что не подлежат уже наказанию, оно доводит до наказания таким образом, каким они думали избежать его.

Комиту Ермину

Теперь, когда вступил ты в права начальника, особенно можешь соделаться достойным славы и соревнования, если не будешь мстить обидевшим тебя. Но теперь, теперь-то всего более и предашь ты забвению прискорбное, когда начальственная власть доставила тебе наибольшую возможность наказать их.

Любомудрия твоего, досточудный, да не возмогут поколебать ни начальственная власть, ни величие сана, ни житейская благоуспешность, чем обыкновенно человеческое сердце всего более надмевается. А ты, почитая все это теньями и сновидениями, подвизайся в добродетели, потому что она среди всех стяжаний – неветшающая багряница.

(Православная энциклопедия «Азбука веры» <http://www.azbyka.ru>)

Аврелий Августин **О граде Божьем**

Учитель Церкви Августин Блаженный (354-430 гг.) был свидетелем взятия и разграбления Рима вестготами под предводительством Алариха в 410 г. Будучи в большинстве своем христианами, вестготы не тронули христианских святынь и пощадили укрывшихся там горожан. Тем не менее, неизбежные ужасы войны произвели на римлян настолько тяжелое впечатление, что они возроптали на Бога, напрасно попустившего, по их мнению, несчастья, обрушившиеся на мирных жителей. Труд Блаженного Августина, посвященный этому событию, многопланов. Во-первых, он объясняет, почему Господь вообще допускает войны и народные бедствия, и что христианину никогда не стоит отчаиваться даже в самых трудных и жестоких обстоятельствах. Во-вторых, закладывает основы концепции справедливой войны, которая господствовала в общественном сознании периода средневековья. И, в-третьих, проводит разницу между стремлением к земной и небесной славе, как идеалу, на котором строилась прежняя языческая и новая христианская государственность.

Знаю, какие нужны силы для того, чтобы убедить гордых, как велика доблесть смирения, благодаря которой все земные величия, колеблющиеся от непостоянства времени, превосходит не присвоенная себе человеческой спесью высота, а та, которая даруется божественною благодатью. Ибо Царь и Основатель этого града, о котором мы задумали говорить, открыл в Писании Своем народам определение божественного закона, в котором сказано: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (Иак. IV, 6; I Пет. V, 5). Нельзя обойти молчанием и земного града, который, стремясь к господству, сам находится под властью этой страсти господствовать, хотя ему и поклоняются народы. Из этого-то града и выходят враги, от которых нам надлежит защищать град Божий. Многие из них до такой степени воспаляются ненавистью к нему и до такой степени оказываются неблагодарными к очевидным благодеяниям его Искупителя, что поднимают против него в настоящее время языки свои.

А между тем они должны были бы все то, что претерпели от врагов сурового и жестокого, приписать божественному провидению, которое обычно исправляет и сглаживает войнами испорченные нравы людей, справедливую же и похвальную жизнь смертных в то же самое время этими поражениями упражняет и после испытания или переносит их в лучший мир, или удерживает на этой земле ради пользы других.

Итак, все эти опустошения, убийства, грабежи, пожары, страдания, совершившиеся во время последнего римского поражения, – все это породил обычай войны. А то, что совершилось по новому обычаю: что варварская необузданность оказалась кроткой непривычным для войны образом; что в качестве убежища народу, который должен был получить пощаду, были выбраны и указаны обширнейшие базилики, где никого не убивали, откуда никого не брали в плен, куда сострадательные враги приводили многих для освобождения, откуда не уводили в плен никого даже самые жестокие из них, – все это следует приписать имени Христа.

Кто-нибудь скажет: так почему же это божественное милосердие простерлось и на нечестивых и неблагодарных? А потому, полагаю, что его оказал Тот, Который ежедневно «повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Мф. V, 45). Хотя некоторые из них, размышляя об этом, исправляются от своей нечестивости покаянием, а некоторые, как говорит апостол, презирая богатство благодати и долготерпения Божия, по жестокости своей и непокаянному сердцу, собирают себе «гнев на день гнева и откровения праведного суда от Бога, Который воздаст каждому по делам его» (Рим. II, 4-6); однако терпение Божие призывает к покаянию злых, как бич Божий учит терпению добрых. Так же точно терпение Божие обнимает своим покровительством добрых, как божествен-

ная строгость стережет для наказания злых. Ибо такие блага справедливым, которыми бы не пользовались несправедливые, и такие бедствия нечестивым, от которых бы не страдали добрые, божественному провидению угодно уготовить в жизни будущей. А эти временные блага и бедствия оно пожелало сделать общими для тех и других. Это для того, чтобы не было слишком жадного стремления к благам, которые оказываются в распоряжении и людей злых, и нравственного отвращения от бедствий, от которых очень часто страдают и люди добрые.

Но есть довольно большое различие в том, как пользуются люди тем, что называется счастьем, или тем, что – несчастьем. Ибо добрый ни временными благами не превозносится, ни временным злом не сокрушается; а злой потому и казнится этого рода несчастьем, что от счастья портится. Впрочем, Бог часто обнаруживает с большей очевидностью действие Свое в распределении и этого рода предметов. Ибо, если бы всякий грех был в настоящее время наказуем очевидным образом, можно было бы подумать, что для последнего суда не остается ничего; и наоборот, если бы Божество в жизни не наказывало открыто никакого греха, подумали бы, что божественного провидения нет вовсе. Так же точно и в отношении к счастью: если бы Бог с очевиднейшей щедростью не давал его некоторым просящим, мы сказали бы, что оно зависит не от Него; а если бы давал всем просящим, подумали бы, что Ему только из-за таких наград и следует служить; служение же такое сделало бы нас не благочестивыми, а корыстолюбивыми и жадными.

Если это так, и если какие-нибудь добрые и злые одинаково подвергаются бедствиям, – из того, что не различено, что терпят те и другие, отнюдь не следует, чтобы между ними самими не было никакого различия. Различие между терпящими остается даже при сходстве того, что они терпят; и под одним и тем же орудием пытки добродетель и порок не делаются одним и тем же. Поэтому, терпя одно и то же бедствие, злые кланут и хулят Бога, а добрые молятся Ему и хвалят Его.

Да и что в этом общественном бедствии претерпели христиане такого, что при более верном взгляде на дело не послужило бы к их усовершенствованию? Во-первых, смиренно размышляя о самих грехах, разгневавшись на которые Бог наполнил мир такими бедствиями, они не настолько признают себя чуждыми разного рода проступков, чтобы всерьез полагать, что им не за что подвергаться за них временным лишениям. Не говорю о том, что каждый, даже если он вел и похвальную жизнь, в некоторых случаях поддается плотской склонности: если и не к безмерным злодеяниям, не к крайнему распутству и не к мерзости нечестивости, то, по крайней мере, к некоторым грехам, или редким, или столь же частым, сколь и малозначительным; об этом я не говорю. Но легко ли найти такого человека, который бы к этим самым лицам, из-за отвратительной гордости, распущенности и жадности, из-за омерзительных неправд и нечестия которых Бог, как и предсказал с угрозой, стирает земли (Ис. XXIV и др.), относился бы так, как следует к ним относиться, жил с ними так, как с такими следует жить? От того, чтобы их научить, усомнеть, а иногда обличить и известным образом наказать, по большей части неуместно воздерживаются: то труд такой кажется тяжелым, то мы стесняемся оскорбить их в лицо, то избегаем вражды, чтобы они не помешали и не повредили нам в этих временных вещах, к приобретению которых еще стремится наша жадность, или потери которых боится наша слабость. Таким образом, хотя добрым и не нравится жизнь злых, и они не подвергнутся с последними тому осуждению, которое тем уготовано после этой жизни, однако, так как они щадят достойные осуждения грехи их, хотя за свои, даже легкие и извинительные, боятся, то по справедливости подвергаются вместе с ними и временным наказаниям, хотя в вечности наказаны не будут. Терпя вместе с ними божественные наказания, они по справедливости вкушают горечь этой жизни, так как, любя сладость ее, не захотели сделать ее горькой для упомянутых грешников.

Итак, я вижу в этом достаточную причину того, почему вместе со злыми подвергаются бедствиям и добрые, когда Богу бывает угодно поразить временными казнями развращенные нравы.

Рассмотрев и обсудив сказанное надлежащим образом, обрати внимание на то, случается ли с верными и благочестивыми какое-либо зло, которое не обратилось бы для них в добро? Потеряли они все, что имели? Неужто и веру? Неужто и благочестие? Неужто и благо внутреннего человека, богатого перед Богом (I Пет. III, 4)? Все это – богатства христианина, обладающий которыми апостол говорил: «Великое приобретение – быть благочестивым и довольным. Ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него. А желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу; ибо корень всех зол есть сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились от веры и сами себя подвергли многим скорбям» (I Тим. VI, 6-10).

Но [возразят нам] много христиан было и убито, много истреблено разными видами ужасных смертей. Об этом, возможно, и следует скорбеть, но ведь это – общий удел всех, которые родились для этой жизни. Я знаю одно, что не умер никто, кто рано или поздно не должен был умереть. А конец жизни один: как жизни долгой, так и короткой. Одно не лучше, а другое не хуже, или: одно не больше, а другое не меньше, коль скоро то и другое в равной мере уже не существует. И что за важность, каким видом смерти оканчивается эта жизнь, коль скоро тот, для кого она оканчивается, не вынужден будет умирать снова? Знаю, что наши чувства предпочитают лучше долго жить под страхом стольких смертей, чем, умерши раз, не бояться потом ни одной.

Та смерть не должна считаться злой, которой предшествовала жизнь добрая. Смерть делает злым только то, что следует за смертью. Поэтому, кому предстоит умереть, те не должны много заботиться о том, что именно с ними произойдет, от чего они умрут, а должны заботиться о том, куда, умирая, они вынуждены будут идти.

Но при такой-де массе трупов их не могли и похоронить! И этого благочестивая вера особенно не страшится, помня предсказание, что и звери, пожирающие трупы, не помешают воскресению тел, с головы которых не погибнет и волос (Лук XXI, 18). Что же, ложно то, что говорит Христос: «Не бойтесь убивающих тело и потом не могущих ничего сделать» (Лк. XII, 4), коль скоро убийцы могут что-нибудь сотворить с трупом? Да не будет: сказанное Истиной не может быть ложью. Так сказано потому, что в живом теле, т. е. до его убийства, есть чувства; после же убийства в теле никаких чувств нет.

Нередко и целые войска, умирая за земное свое отечество, не заботились о том, где они будут лежать потом или каким зверям послужат пищей. И поэты весьма часто отзывались о таких с похвалой:

«Тем, кто не в урнах¹⁵ лежит, небосвод весь – надгробье».

Но многие христиане, говорят они, были уведены в плен. Действительно, было бы большим несчастьем, если бы они были уведены в какое-нибудь такое место, где не могли бы найти Господа своего! На случай же плена есть в Святых Писаниях наших великие утешения. Были в плену три отрока, был Даниил, были и другие пророки, и всегда с ними был Бог-утешитель. Не оставит верных Своих под господством народа, варварского, но человеколюбивого, Тот, Кто не оставил пророка Своего даже во чреве китовом.

В священных канонических книгах нельзя найти божественного предписания или дозволения на то, чтобы мы причиняли смерть самим себе даже ради приобретения бессмертия или ради избежания и освобождения от зла. Когда закон говорит: «Не убивай», надлежит понимать, что он воспрещает и самоубийство, ибо, сказав это, он не прибавляет «ближнего твоего».

---

¹⁵ Римляне имели обычай кремировать мертвецов, захоранивая прах в погребальных урнах.

Заповедь «не убивай» остается понимать в приложении к человеку: не убивай ни другого, ни самого себя. Ибо кто убивает себя, убивает именно человека.

Впрочем, тот же самый божественный авторитет допускает и некоторые исключения из запрета убивать человека. Но это относится к тем случаям, когда повелевает убивать сам Бог, или через закон, или же особым относительно того или иного лица распоряжением. В этом случае не тот убивает, кто обязан служить повелевшему, как и меч служит орудием тому, кто им пользуется. И поэтому заповеди «не убивай» отнюдь не преступают те, которые ведут войны по велению Божию или, будучи в силу Его законов, т. е. в силу самого разумного и справедливого распоряжения, представителями общественной власти, наказывают злодеев смертью.

Величие духа не стоит усматривать в том, когда кто-либо убивает себя лишь потому, что не в состоянии перенести или какие-нибудь житейские трудности, или чужие грехи. Наиболее великим по справедливости должен быть назван тот дух, который в состоянии скорее вынести бедственную жизнь, чем бежать от нее, и который, пребывая в чистоте и безупречности совести, презирает людское мнение, в особенности же мнение толпы, как правило, превратное.

Говорят, что многие-де умерщвляли себя, чтобы не попасть в руки врагов. Но мы рассуждаем не о том, почему это делалось, а о том, следует ли так делать. Ибо здравый разум предпочтительнее сотни приме ров. Впрочем, с ним согласны и примеры, но только такие, которые куда более достойны подражания, ибо выше по благочестию. Не делали так ни патриархи, ни пророки, ни апостолы. И сам Христос, Господь наш, заповедуя апостолам в случае гонения на них в одном городе бежать в другой (Мф. X, 23), мог повелеть, чтобы они предавали себя смерти, дабы не попасть в руки преследователей. Но Он не заповедовал, чтобы таким образом переселялись к Нему из этой жизни те, коим Он обещал обители вечные (Иоан. XIV, 2).

Мы одно говорим, одно утверждаем, одно всячески доказываем: что самовольно никто не должен причинять себе смерти ни для избежания временной скорби, потому что иначе подвергается скорби вечной; ни из-за чужих грехов, потому что иначе, не оскверненный еще чужим грехом, он совершит собственный, причем самый тяжкий грех; ни из-за своих прежних грехов, ради которых настоящая жизнь особенно необходима, чтобы можно было исцелить их покаянием; ни из-за желания лучшей жизни, приобрести которую надеется после смерти: потому что для виновных в собственной смерти нет лучшей жизни и после смерти.

(О Граде Божьем. Кн. I, гл. 1, 7-12, 14, 20-22)

* * *

...Почему, будучи угнетаемы несчастьями, жалуетесь вы, как не потому, что желали бы спокойно наслаждаться своею роскошью и предаваться распущенности развращенных нравов, не тревожась ничем неприятным? Ведь не для того же желаете вы сохранения мира и изобилия богатств всякого рода, чтобы этими благами пользоваться честно, т. е. скромно, трезво, умеренно и благочестиво, а для того, чтобы изведать бесконечное разнообразие наслаждений ценою безумной расточительности, из-за чего в нравах ваших среди благополучия возникло бы такое зло, которое было бы гораздо хуже самых свирепых врагов.

Сципион¹⁶, муж, по мнению целого сената, самый достойный, страхась подобного рода бедствий, не хотел, чтобы был разрушен Карфаген¹⁷, соперник римского государства, и возражал Катону¹⁸, требовавшему его разрушения, ибо опасался беспечности, этого извечного врага

---

¹⁶ Публий Корнелий Сципион Эмилиан Африканский Младший (185-129 гг. до н. э.) – римский полководец, взявший Карфаген.

¹⁷ Карфаген был разрушен в ходе Третьей Пунической войны в 146 г. до н. э.

¹⁸ Марк Порций Катон Старший (234-149 гг. до н. э.) – римский политик, прославившийся фразой, которой он неизменно венчал свои выступления: «Карфаген должен быть разрушен!»

слабых душ, полагая при этом, что страх так же необходим для граждан, как опекун для сирот. И мнение его оказалось верным: история показала, что он говорил правду. Ибо, когда Карфаген был разрушен, т. е. когда великая гроза римского государства была рассеяна и уничтожена, то за этим немедленно последовало столько возникших из благополучия зол, что сперва жестокими и кровавыми мятежами, потом сплетением несчастных обстоятельств и даже междоусобными войнами было произведено столько убийств, пролито столько крови, порождено столько жестокой жадности к конфискации имуществ и грабежам, что те самые римляне, которые страшились при неиспорченной жизни зла от врагов, с утратой этой неиспорченности потерпели от сограждан зло гораздо худшее. И сама та страсть господствовать, которая более других пороков человеческого рода присуща была всему римскому народу, одержав победу в лице немногих сильнейших, придавила игом рабства и остальных, изнемогших от усилий и изнурения.

Разве эта страсть успокаивалась когда-нибудь в душах в высшей степени гордых?.. Но этого непрерывного перехода к новым и новым почестям не существовало бы, если бы честолюбие не перевешивало всего. Честолюбие же перевешивает только в народе, испорченном сребролюбием и роскошью. При устранении этих пороков процветала бы и возрастала полезная для государства добродетель и существовала бы сообразная с добродетелью свобода.

(О Граде Божьем. Кн. I, гл. 30-31)

Ответят разве, что государство-де Римское не могло бы разрастись так широко и приобрести такую огромную славу, если бы не вело постоянных, непрерывно следовавших одна за другою войн? Нечего сказать, уважительная причина! Зачем же государству, чтобы стать великим, не иметь покоя?

Неужели для такого расширения государства следовало быть тому, что проклинает Вергилий, говоря:

«Но постепенно сменило их время худое,
Бешенство войн, неумная жажда наживы?»¹⁹

Итак, пусть снимутся с вещей ложные покровы и обманчивые прикрасы, чтобы подвергнуть их беспристрастному суду. Пусть никто не говорит мне, что такой-то и такой-то великий-де человек, потому что сражался с тем-то и тем-то и победил. Сражаются и гладиаторы, и они побеждают; и бесчеловечность этого рода вознаграждается похвалами. Но, по моему мнению, лучше кому бы то ни было понести наказание за бездеятельность, чем добиваться славы их подвигов.

Знаменитые победы Рима были не истинной радостью людей вполне довольных, а суетным утешением несчастных и обманчивым побуждением к перенесению новых бесполезных страданий для людей беспокойных. Добрые и благоразумные римляне пусть не сердятся на нас за то, что мы говорим подобные вещи; хотя об этом их не следовало бы ни просить, ни в этом убеждать, так как, несомненно, они не будут сердиться. А те, которые сердятся, выслушают ли меня спокойно, если я скажу только то, что говорит Саллюстий? «Возникли весьма частые беспорядки, восстания и, наконец, гражданские войны, когда немногие сильные, которым очень многие старались угождать, под благовидным предлогом защиты интересов патрициев или плебеев стали стремиться к господству; и добрыми и дурными гражданами стали называться не за заслуги перед республикой, – так как все одинаково были испорчены, – а добрым считался тот, кто был наиболее богат и мог сильнее наносить обиды, коль скоро защищал данное положение дел».

---

¹⁹ Вергилий, Энеида, VIII, 326-327.

А во время Пунических войн²⁰, – когда победа долго оставалась сомнительной и колебалась между тем и другим государством, когда два наиболее сильные народа направляли друг на друга самые мужественные и самые могущественные удары, – сколько было стерто с лица земли мелких царств? Сколько разрушено обширных и знаменитых городов? Сколько пострадало, сколько погибло гражданских обществ? На каких громадных расстояниях произведены были опустошения стольких стран и областей? Сколько раз побежденные сперва были победителями после? Сколько истреблено было людей как из среды сражавшихся воинов, так и из среды народов, не поднимавших оружия? Какое множество кораблей частью было истреблено в морских сражениях, частью же погибло от бурь?

Даже те из писателей, которые поставили для себя задачей не столько описывать римские войны, сколько восхвалять римское владычество, признаются, что победитель часто бывал похож на побежденного.

(О Граде Божьем. Кн. 3, гл. 10, 14, 18-19, 23)

При отсутствии справедливости, что такое государства, как не большие разбойничьи шайки; так как и сами разбойничьи шайки есть не что иное, как государства в миниатюре. И они также представляют собою общества людей, управляются властью начальника, связаны обоюдным соглашением и делят добычу по добровольно установленному закону. Когда подобная шайка потерянных людей возрастает до таких размеров, что захватывает области, основывает оседлые жилища, овладевает городами, подчиняет своей власти народы, тогда она открыто принимает название государства, которое уже вполне присваивает ей не подавленная жадность, а приобретенная безнаказанность. Прекрасно и верно ответил Александру Великому один поиманный пират. Когда царь спросил его, какое право имеет он грабить на море, тот дерзко отвечал: «Такое же, какое и ты: но поскольку я делаю это на небольшом судне, меня называют разбойником; ты же располагаешь огромным флотом, и потому тебя величают императором».

Пусть, в самом деле, подумают, действительно ли следует людям добрым радоваться расширению государства. Несомненно, что возрастанию государства способствовала несправедливость тех, с которыми велись справедливые войны. Государство неизбежно оставалось бы малым, если бы спокойствие и справедливость соседей не вызывали никакой обиды войны против них; и при более счастливых условиях человеческой жизни все государства оставались бы малыми, наслаждаясь дружелюбием соседей, так что в мире было бы так же достаточно много государств разных народов, как в городе достаточно много домов разных граждан. Поэтому вести войны и путем покорения народов расширять государство представляется делом хорошим для людей дурных, но для добрых – это только дело необходимости. Может это быть названо и делом хорошим, но только потому, что было бы хуже, если бы люди более несправедливые господствовали над более справедливыми. Но не подлежит сомнению, что иметь доброго и мирного соседа – большее счастье, нежели подчинять соседа плохого и воинственного. Желание ненавидеть или бояться кого-нибудь, чтобы было кого побеждать, – желание дурное.

(О Граде Божьем. Книга 4. Гл. 4, 15)

* * *

Теперь посмотрим, за какие нравы римлян и ради чего истинный Бог, во власти Которого находятся все земные царства, соизволил содействовать распространению их власти. Да, древние и первобытные римляне, хотя они, подобно другим народам, за исключением еврейского,

---

²⁰ Пунические войны – серия войн (264-146 гг. до н. э.), получивших свое название из-за латинского имени финикийцев-карфагенян – пунийцев (пунов) (лат. роепі или рупіоіт), – между Римом и Карфагеном.

чтили богов ложных и приносили жертвы не Богу, а демонам, тем не менее, как свидетельствует и доказывает их история, «из желания доброго о себе мнения не дорожили деньгами, добивались великой славы и честного богатства».

Эту славу они любили пламеннейшим образом, ради нее хотели жить, за нее, не колеблясь, умирали. Все другие страсти свои они подчиняли этой великой страсти.

Так как подчиненное положение казалось им бесславным, положение же господствующее и повелевающее – славным, то и саму отчизну свою они желали прежде всего видеть свободной, а затем и господствующей. Эта-то жажда доброго о себе мнения, это страстное желание славы и породили то множество удивительных дел, дел, по человеческой мерке, похвальных и славных.

Слава, которой они страстно желали, представляет собой суждение людей, хорошо думающих о людях. Поэтому лучше та добродетель, которая не удовлетворяется судом человеческим, а только судом своей собственной совести. Итак, не добродетель должна гоняться за славой, честью и властью, которых они желали для себя и которых добрые люди старались достигнуть добрыми искусствами, а, напротив, они должны гоняться за добродетелью. Единственно истинная добродетель есть та, которая стремится к той цели, в которой заключается благо человека, не имеющее в сравнении с собою ничего лучшего.

...Великие дела совершались немногими, которые были по-своему добрыми людьми; и когда зло делалось сносным и не переступало известных границ, попечением этих немногих добрых государство усиливалось, как утверждает тот же историк. Он говорит, что, читая и слыша о множестве знаменитых дел, которые совершил римский народ у себя дома и на войне, на море и на суше, он хотел обратить особое внимание на то, чем по преимуществу обусловливались эти знаменитые дела; так как он знал, что римляне очень часто небольшим войском сражались с большими легионами неприятелей, слышал, что при малых средствах велись войны с богатейшими царями, то после всестороннего обсуждения ему, говорит он, стало ясно, что все это совершила удивительная доблесть немногих граждан и что благодаря ей бедность побеждала богатства, малочисленность – многолюдность. Но после того, продолжает он, как общество было испорчено роскошью и бездействием, республика своим величием стала поддерживать лишь пороки военных и гражданских начальников.

...Верно и то, что люди, не испросившие по вере благочестия Духа Святого и не обуздывающие в себе гнуснейших похотей любовью к красоте духовной, из страстного желания человеческой чести и славы становятся если не святыми, то, по крайней мере, менее гнусными.

Об этом не мог умолчать и Туллий²¹. Говоря о таких ученых занятиях, которым следует предаваться ради истинного блага, а не пустой человеческой чести, он приводит такую повсеместно и всеми разделяемую сентенцию: «Науки и искусства питает честь; все горячо принимаются за славные занятия, оставляя в полном небрежении такие, которые кем-нибудь не одобряются».

Однако страсть к славе должна быть, по крайней мере, побеждена любовью к правде, так что если бы оказалось что-либо пренебрегаемым вследствие неодобрения некоторыми, а было бы между тем добрым и справедливым, то и само человеческое честолюбие устыдилось бы и уступило бы любви к истине.

Итак, если бы Бог, не давший вечной жизни со святыми ангелами Своими в небесном Своем граде, к участию в которой приводит истинное благочестие, – если бы, говорю, Бог не предоставил римлянам и этой земной славы создать превосходнейшее государство, то их добрым искусствам, т. е. доблестям, посредством которых они старались достигнуть этой славы, не было бы воздано заслуженной награды. Ибо о таких, которые совершают нечто доброе, чтобы найти славу у людей, сам Господь говорит: «Истинно говорю вам: они уже получают награду свою» (Мф. VI, 2). Так и они: пренебрегали ради общего достояния, т. е. ради республики и

---

²¹ Марк Туллий Цицерон (106-43 гг. до н. э.) – величайший римский оратор.

ее казны, своим достоянием частным; подавляли жадность; подавали свободный голос в совещаниях о делах отчизны; не запятнали себя перед лицом своих законов ни проступками, ни страстью; и всеми этими искусствами, как бы прямым путем, шли к чести, власти и славе: за это они и приобрели уважение к себе у всех почти народов; подчинили законам своего государства многие из них и в настоящее время славны почти у всех народов литературой и историей. Да, они не могут жаловаться на несправедливость верховного истинного Бога: они получили «награду свою».

Совершенно иная награда ожидает святых, терпящих здесь поношения за град Божий, ненавистный приверженцам этого мира. Тот град вечен. В нем никто не рождается, потому что никто не умирает. В нем истинное и полное счастье – дар Божий. Оттуда получили мы залог веры, обнадеживающий нас в то время, пока, странствуя, мы вздыхаем о красоте его. Там не восходит солнце над добрыми и злыми, но солнце правды сияет одним только добрым. И не будет особой нужды обогащать общественную казну за счет частного достояния там, где общим сокровищем будет сокровище истины. Поэтому и распространение Римского государства, сделавшее его славным в среде человеческой, совершилось не для того только, чтобы подобная награда была воздана подобным людям, но и для того, чтобы граждане вечного града, пока странствуют на земле, не оставляли без внимания и обсуждения подобных примеров и видели, как велика должна быть любовь их к небесной отчизне ради жизни вечной, если так любима была отчизна земная ее гражданами ради славы человеческой.

Есть, впрочем, различие между страстью к славе и страстью к господству. Хотя обычно бывает так, что увлекающийся до крайности страстью к славе домогается страстно и господства, однако те, кто желает истинной, хотя бы и человеческой славы, стараются быть на хорошем счету у людей благомыслящих. Посредством этого-то доброго в нравах и стараются достигнуть славы, власти и господства те, о которых говорит Саллюстий, что они идут прямым путем. А кто стремится к господству и власти без желания славы, заставляющего человека опасаться быть на дурном счету у людей благомыслящих, такой станет добиваться своей цели и посредством открытых до наглости злодеяний. Поэтому страстно желающий славы или идет к ней прямым путем, или, по крайней мере, старается достигнуть ее лукавством и обманом, желая казаться таким добрым, каким на самом деле не бывает.

Поэтому же в человеке, имеющем добродетели, великой добродетелью является презрение к славе; потому что презрение его ведомо Богу, но от человеческого суда скрыто. Пусть он и сделал бы, например, что-нибудь для человеческих глаз такое, из чего можно было бы видеть его презрение к славе: могут подумать, что он сделал это для большей похвалы, т. е. для достижения большей славы, и тогда у него нет средства представить себя для чувств подозревающих его людей иным, похвалы, презирает и безрассудство подозревающих; хотя, если он истинно добр, не презирает их спасения. Ибо имеющий добродетели от Духа Божия справедлив до такой степени, что любит даже врагов, и любит так, что желает, чтобы его ненавистники и хулители исправились и были вместе с ним участниками не земного, а небесного отечества. А тот, кто, презирая славу, жадно стремится к господству, тот превосходит и зверей как в люлости, так и в неумеренности.

...Всем людям благочестивым известно, что без истинного благочестия, т. е. без истинного почитания истинного Бога, никто не может иметь истинной добродетели; и что та добродетель не есть добродетель истинная, которая покоряется человеческой славе. Те же, которые не суть граждане вечного государства, называемого в наших писаниях градом Божиим, бывают более полезны для земного государства, когда имеют по крайней мере такую добродетель, чем никакой. Но если ведущие в силу истинного благочестия добродетельную жизнь владеют искусством управлять народами, то ничего не может быть счастливее для человеческого, если по милосердию Божию они получают власть. Такие люди все добродетели свои, какие только могут иметь в этой жизни, приписывают единственно благодати Божией, которая их

дала им соответственно их желаниям, вере, молитвам, и в то же время понимают, как много недостает им до совершенства в правде, составляющего принадлежность того сообщества ангелов, войти в которое они стремятся. Как бы ни хвалили и ни превозносили ту добродетель, которая без истинного благочестия повинуетя человеческой славе, она не может сравниться даже с маленькими ростками добродетели в святых, которые видят свою надежду в благодати и милосердии истинного Бога.

Мы называем некоторых христианских императоров счастливыми не потому, что они долго управляли, или, скончавшись мирной смертью, оставили после себя управляющими своих сыновей, или покорили врагов государства, или в состоянии были избежать и усмирить возмущившихся против них граждан. Такие и другие награды или утешения этой многмятежной жизни удостоились получить и некоторые из почитателей демонов, не принадлежащие к царству Божию, к которому принадлежат императоры христианские. Случилось так по милосердию Божию для того, чтобы верующие в Бога не домогались этого как высочайшего блага.

Но мы называем христианских государей счастливыми, если они управляют справедливо; если окруженные лестью и крайним низкопоклонством, не превозносятся, но помнят, что они — люди; если употребляют свою власть на распространение почитания Бога и на служение Его величию; если боятся, любят и чтут Бога; если любят более то царство, в котором не боятся иметь сообщников; если медлят с наказаниями и охотно милуют; если сами эти наказания употребляют как необходимые средства для управления и охранения государства, а не как удовлетворение своей ненависти к врагам; если и помилование изрекают не для того, чтобы оставить неправду безнаказанной, а в надежде на исправление; если в том случае, когда обстоятельства вынуждают их произнести суровый приговор, они смягчают его милосердием и благотворительностью; если обстановка и род их жизни тем скромнее, чем более могли бы быть роскошными; если они лучше желают господствовать над дурными наклонностями, чем над какими бы то ни было народами, и делают все это не из желания какой-нибудь пустой славы, а из любви к вечному счастью; если не пренебрегают приносить Богу за грехи свои жертву смирения, сожаления и молитвы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.